

В марте 2011 года Институт экономических стратегий и информационный мультипортал KM.RU начали совместный проект — цикл программ «Стратегическая студия» в формате интернет-телевидения, решив подкрепить видеоряд и печатным словом.

В ходе бесед с известными научными и политическими деятелями, историками и кризисологами, публицистами и политологами — Г.И. Мирским, В.С. Овчинским, А.И. Фурсовым, М.В. Угрюмовым, И.Ю. Сундиевым, В.В. Овчинниковым, И.В. Давиденко, К.В. Симоновым, М.Г. Делягиным, О.В. Крыштановской, Г.Д. Джемалем, В.Г. Будановым — мы раскрывали те или иные нюансы международной ситуации и экономического положения в нашей стране, рассуждали о том, что творится с человеческим мозгом и здоровьем людей, о социальной турбулентности и властных элитах. Но многие вопросы остались без ответа. В авторской программе ведущий «Стратегической студии» Александр Агеев отвечает на вопросы, уходящие корнями в лабораторию мысли ученых и политиков настоящего и прошлого.

Среди гостей студии в 2012 году ожидаются ученые и писатели, политики и предприниматели. Будет интересно!

Терпимость дошла до полной ликвидации каких-либо принципов

Агеев Александр Иванович, генеральный директор Института экономических стратегий Отделения общественных наук РАН, доктор экономических наук, профессор, академик РАН

«Быть в мире и ничем не обозначить своего существования — это кажется мне ужасным», — писал Николай Васильевич Гоголь. Не о нынешней ли элите это сказано?

Думается, что к нашей элите слова Гоголя не имеют отношения, потому что она очень четко обозначила свое присутствие в российском ландшафте и мы видим плоды этого присутствия во всем. У нас бытует мнение, что элита в России совершенно оторвана от реальности и от народа. На мой взгляд, это упрощение, картина гораздо сложнее, чем нам иногда представляется. Как в свое время заметил Гегель в статье «Кто мыслит абстрактно?», абстрактное мышление у базарной торговки, которая, переругиваясь с покупатель-

ницей, совершенно абстрагируется от предмета спора.

Георг Кристоф Лихтенберг утверждал: «Будущее должно быть заложено в настоящем. Это называется планом. Без него ничто в мире не может быть хорошим».

Не пора ли власти понять это и не носиться с идеей рыночного саморегулирования?

Власть, конечно же, отстаивает идею либерального рыночного саморегулирования, но мы прекрасно знаем, что масштабы зарегулированности и регламентированности во многих, если не во всех, секторах и отраслях фантастические. Возьмите налоговую систему: ворох бумаг, колоссальный штат бухгалтеров, инспекторов и т. д. Затраты государства на администрирование превышают все мыслимые пределы, и нужно что-то делать. Сейчас всем понятно, что наша административная реформа была недостаточно хорошо продумана. А если говорить о плане и о том, что будущее закладывается в настоящем, то это очень важная мысль. Люди давно поняли, что будущее нужно проектировать.

«Иной раз терпимость доходит до такого предела, что ее скорее назовешь глупостью, нежели добротой или великодушием. <...> У человека должно хватать ума на то, чтобы ненавидеть своих врагов» (Николя де Шамфор). Власть в России уже 20 лет убеждает нас в обратном.

В этом вопросе просматривается невысказанное стремление переложить ответственность за свой

личный мировоззренческий и социальный выбор на российскую власть — на тандем, чиновников всевозможных ведомств. У нас почти полтора процента трудоспособного населения — бюрократия. И этот социальный слой имеет свою элитарную прослойку и технических работников, обслуживающий персонал. Среди его представителей есть порядочные, добросовестные люди, а есть коррупционеры, которых сейчас тысячами сажают в тюрьмы. Иначе говоря, понятие «власть» и понятие «государственный аппарат» — это совершенно разные понятия. И конечно, можно понять негодование, которое вызывает терпимость, переходящая в беспринципность. На другом полюсе — люди-памятники, будто вырубленные из гранита и очень далекие от жизни. Это тоже ненормально. Подлинная жизнь есть непрерывное творчество, основанное на вечных ценностях.

Не кажется ли Вам справедливой точка зрения Гарри Трумэна, который так представлял эффективное управление: «Любое действительно эффективное управление на поверку оказывается диктатурой»?

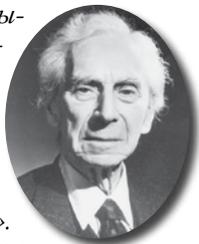
Некоторые страны, например Южная Корея, Чили, опробовали этот путь. Не пора ли и нам?

Есть статистические данные, свидетельствующие о том, что страны, где представление о демократических свободах было несколько сужено, в 1960–1970 годах смогли продемонстрировать экономическое чудо. Эти страны всем хорошо известны. В 90-е годы XX века и в нулевые годы XXI века нечто подобное демонстрирует Китай, хотя режим правления там нельзя назвать диктаторским. Это жесткая

БЕСЕДЫ О СТРАТЕГИЧЕСКОМ

централизованная власть, но не диктатура. Более того, если подумать, то можно сделать вывод, что даже страны, которые формально входят в клуб подлинно демократических, на самом деле имеют системы косвенного управления, которые жестче любой диктатуры. Невозможно управлять сложной реальностью и массой людей, стремящихся к свободе, методами, которые были эффективны 50, а тем более 100 лет назад. Поэтому, мне кажется, тезис Гарри Трумэна уместен для своего времени и конкретного контекста. Поиск формулы эффективного управления — это каждый раз творческая задача.

Известно такое высказывание Бертрана Рассела: «При демократии дураки имеют право голосовать, при диктатуре — править».

В нынешней России уже достигнут симбиоз и консенсус или нет?

Бертран Рассел — замечательный западный мыслитель, крайне ироничный. Здесь он подчеркнул ту идею, над которой размышлял Питирим Сорокин. При диктатуре дураки имеют право править — вот что имел в виду Бертран Рассел, но очевидно, что проблема гораздо глубже. Полагаю, в нашей федеральной элите есть разные люди — более или менее говорливые, более или менее добросовестные, более или менее компетентные, но вряд ли кого-то из них можно назвать дураком.

Сказать, что в демократических странах голосуют только дураки — это явный перехлест. В России, очевидно, нужно искать какие-то иные различия между теми, кто голосует, и теми, кто правит. Мне кажется, что здесь следует оперировать такими понятиями, как компетентность, ответственность, совестливость.

Теодор Рузвельт однажды сказал: «Лидер действует от-

крыто, а босс — за закрытыми дверями. Лидер ведет за собой, а босс управляет». В России наступило время боссов. Надолго ли?

В данном случае вскрывается типичная для управленческой ситуации проблема: лидер всегда создает новую культуру, а боссы, выступающие в качестве менеджеров, придерживаются этой культуры и оберегают ее. Возьмите любую японскую или американскую фирму — в каждой из них был или есть лидер, который заложил определенные правила поведения, правила отношения к миру, задал некую направленность деятельности, и есть боссы, неукоснительно следующие этим правилам, что-то решающие за закрытыми дверями. Это, собственно, и называется управлением. Лидер возникает тогда, когда «ломается» старая культура, будь то культура организации или народа. Лидер — это, безусловно, пассионарий, тот, кто переводит свою организацию в качественно новое состояние, кто ради достижения успеха жертвует не только временем, но подчас и жизнью. Поэтому, мне кажется, нельзя так категорично заявлять, что у нас наступило время боссов.

Наша страна на рубеже 1980–1990 годов пережила колоссальный слом макроэкономической культуры. В это время вписались только лидеры, и мы сейчас не будем уточнять, идет ли речь о лидерах финансовых пирамид или выживающих островков экономики — тогда было и то и другое. Каждый, кто сберег или создал организацию, может по праву считаться лидером. Позже, в 2000-е годы, когда благодаря конъюнктуре цен на рынках нефти или металлов образовалась подушка разного рода рент, появились менеджеры, которые и стали хранителями традиций.

В России своеобразно протекали такие процессы, как закреп-

ление прав собственности, ограничение срока давности разного рода исков. Общество фактически закрыло глаза на то, каким образом возникала эта самая собственность в 1990-е годы.

Кризис прервал череду «тучных лет», и в последние годы во многих организациях возникла ориентация на сохранение или даже имитацию этой «тучности». Сложилась интересная ситуация: с одной стороны, налицо тяга к инновациям, к лидерству, а с другой — боязнь потерять то, что нажито непосильным трудом. Однако это тенденция недолговечная, поскольку уже сейчас есть предпосылки того, что в ближайшее время все больше и больше будут востребованы лидеры — я имею в виду турбулентность на рынках, в том числе нефтяных, политическую ситуацию и т.д.

Оскар Уайльд как-то заметил: «Жизнь самый лучший театр. Жаль только, что репертуар никуда не годится». Как вы охарактеризуете российский театр драмы, комедии и фарса?

Сказать, что наш репертуар никуда не годится — все равно, что свести многообразие жизни только к тому, что показывают на экране телевизора. Жизнь — самый лучший театр, и это замечательно, что сегодня мы можем высказывать свое отношение к тому репертуару, который она нам показывает. И не важно, каков жанр постановки — драма, комедия, трагедия, фарс, водевиль — в этом театре есть все, но в каждом событии имеется рациональное зерно. В начале 2000-х годов Руслан Гринберг заметил, что раньше и слова были неправильные, и дела неправильные, а сейчас слова стали правильными, но дела до них пока не дотягивают. Сегодня надо привести дела в соответствие с правильными словами и успеть это сделать до того, когда люди перестанут верить даже правильным словам.

«Диктатура — это государство, в котором все боится одного, а один — всех». Эти слова принадлежат Альберто Моравиа. А у нас никто никого не боится?»

Во-первых, в России, как известно, не диктатура. Во-вторых, поскольку важнейшие институты гражданского общества у нас не консолидированы, в социуме нет должной солидарности, то нет и такой общности, как «все». Каждый оглядывается на другого, не доверяет ему. Наше общество скорее атомизированное — люди боятся самих себя, боятся времени, будущего и даже прошлого. А как иначе объяснить кампанию по борьбе с прошлым, на которую брошены все ресурсы — телевидение, эксперты и т.п.? В бизнесе у многих есть страх перед рейдерами, перед несправедливыми обвинениями, и из-за этого предприниматели уезжают за рубеж. И в то же время у людей нет страха Божия, который заставляет каждого задуматься, насколько его поведение соответствует извечным нравственным установлениям. Именно это и определяет атмосферу нашей жизни.

«Кресло власти сработано не по мерке головы», — считал Станислав Ежи Лец. Каким лекалом пользовались создатели кресел для российской власти?»

Те, кто общался с представителями российских властных структур, вряд ли, положив руку на сердце, могут утверждать, что их кресла сработаны не по мерке головы. Но кроме ума есть еще овеванный душой и добром нравственный ин-

теллект, который чтит незыблемые ценности. Гений преступного мира профессор Мориарти был умнейшим человеком, однако ум свой нацелил на то, чтобы творить зло.

Мы живем в мире, в котором все процессы взаимосвязаны, и любой человек имеет возможность позиционировать себя глобально, используя достижения современной науки и технологии. При этом национальные регуляторы не могут повлиять на находящиеся вне сферы их воздействия институты и процессы. Второе, что определяет сложность регулирования, — это количество и качество людей. Сегодня население многих государств становится все менее гомогенным за счет роста миграции. Мигранты несут с собой новую культуру, стереотипы поведения и т.д. Как этим управлять? Простые административные решения здесь не работают, и нужно многому учиться.

Нас не просто окружает сложный внешний мир, у нас непростая внутренняя ситуация и, более того, очень сложная история. Мы, например, до сих пор не осмыслили ни последние 20 лет, ни последние 80 лет, а по сути, и последние несколько веков нашей истории. У нас отсутствует здоровое представление о собственном историческом опыте, а есть филистерское желание сделать на этом мелкий капитал или пропагандистскую акцию. Отношение к истории требует мудрости, из этой мудрости вырастают достойные политические решения. Мало того, в нашей стране категорическая нехватка представлений о будущем. У нас нет индустрии будущего, налицо стремление представить это будущее в виде какого-то линейного процесса, хотя оно будет многовариантным. Учитывая все эти обстоятельства, мы можем сделать вывод о том, что, во-

первых, сложные объекты предполагают наличие сложных субъектов действия. Во-вторых, взаимоотношения между субъектами, которые находятся на разных уровнях управления, тоже достаточно сложны. В-третьих, то, что субъекты управления полагаются объектом, на самом деле само является субъектом, наделено свободной волей и имеет свои интересы.

Несколько лет назад Президент РФ Дмитрий Медведев заявил: «Решения о замещении должности принимаются по знакомству, по принципу личной преданности или, что наиболее отвратительно, за деньги, то есть должности продаются». Спрашивается, а куда делся президентский резерв?»

Диагноз, конечно, чудовищный. Президент знает о том, что решения порой принимаются таким отвратительным образом. Куда делся президентский резерв? Он, как мы знаем, сформирован и из него черпают кадры для замещения вакантных позиций. Сейчас необходимо создавать резерв на будущее, поскольку в ближайшие пять–десять лет в любом случае потребуются новые кадры, обладающие двумя основополагающими характеристиками — компетентностью и совестью. Если будет забыта хотя бы одна из них, то мы можем получить либо совершенно бездушных монстров, либо благодушных прожектеров, которым, как писал Некрасов, суждены «благие порывы, но свершить ничто не дано». Думаю, слова президента Медведева можно воспринимать как призыв к действию, за которым, вероятно, последуют конкретные решения. ■

ПЭС 11127/31.05.2011

Ответы А.И. Агеева на вопросы телезрителей от 31 мая 2011 г. на тему «Терпимость дошла до полной ликвидации каких-либо принципов» можно посмотреть на сайтах Института экономических стратегий <http://www.inesnet.ru/tv/ageev201105/> и информационного мультипортала KM.RU <http://tv.km.ru/aleksandr-ageev-otvety-na-kaverz>